

Комаров С.В.

Философия в России: вхождение в историю.

1. Быть современным – значит обладать сознанием *исторической актуальности* происходящего здесь и сейчас. Согласно традиционным представлениям какое-либо событие современно, если оно выражает, содержит в себе, раскрывает основную тенденцию развития, генеральную линию событий, траекторию трансформации явлений социальной действительности. Только события и явления, обладающие таким характером, имели статус исторического; все остальные рассматривались как просто «прошлые» или даже «ушедшие». Именно историческое является, поэтому, критерием того, что современно, а что – нет¹. Однако социальные и культурные изменения XX века привели к краху историцизма, а именно – такого представления о магистрали исторического развития, и формированию иного понимания современного и исторического. История не есть ни поток, ни вектор, ни линия развития; все это те или иные концепты и взгляды на историю. Современным, а значит и историческим, является то, что со-бытийно, т.е. отвечающее присутствию здесь и сейчас. Присутствие и есть существование при-сути происходящего, которое определяется не прошлым, а ситуацией настоящего и открытостью будущего. В этих условиях именно настоящее становится основанием прошедшего: что является историческим, а что просто прошедшим, определяется кругом настоящего. Суть дела здесь не только в изменении направленности рассмотрения событий – место «стрелы времени», выражающей вектор развития из прошлого в будущее, занимает «поток», текущий из будущего через настоящее в прошлое. Суть дела в изменении самого концепта, понимания истории – история не обладает направленностью, она со-бытийна, причастна бытию и является способом раскрытия смысла бытия. Смысл бытия здесь не гегелевское *понятие*, а *сознание* своего *при-сутствия*, которое имеет временную структуру. Само бытие исторично.

Философия как форма духовной жизни имеет характер исторического. Это означает, что мы должны задать вопрос о том, какие со-бытия определяли развитие советской и пост-советской философии? Если философия имеет статус поиска смысла существования, то важно понять каким образом раскрывается само бытие, что этот поиск имеет такой характер. Такая постановка вопроса предполагает отказ от трех, господствующих в современном российском философском мышлении, идеологем. Во-первых, отказ от прямой «проекции» развития философии на конкретные политические события, во-вторых, отказ от представления о том, что-де мировая философия имеет развитие только на Западе, и, в-третьих, что заданный этой философией уровень исследований является критерием «философичности». Только в этом ключе можно ответить на два вопроса: имеет ли советская философия какое-либо место в истории, и, что значит для постсоветской философии быть современной?

2. Советская философия в разные свои эпохи была разной. Поэтому под этим термином мы будем понимать концептуальный комплекс, заданный

¹ Правда, такие представления всегда сталкивались с проблемой возникновения «нового», реализации неопределенного историей будущего. Приходилось «вводить» на периферии магистрального развития маргинальные формы жизни, а затем показывать каким-образом вектор исторического развития захватывает их, делая «современными».

институтской философией диамата и истмата, господствующий до начала 90-х годов, и будем рассматривать ее как целостное явление². В силу своей изначальной идеологичности – не в смысле функции, а в смысле формирования основных принципов – эта философия была удивительно целостной. Эта целостность советской философии имела три характерных признака: *идеологизм, конструктивизм, герметизм*. Во-первых, она базировалась на скрытых идеологических установках, а потому изначально была вне поля свободного мышления и не была по существу ни философией. Она не была и идеологией в строгом смысле слова, но, скорее, *идеоманией*. Мышление в рамках такой философии неизбежно становилось языковым мышлением, дифференциацией терминологии и построением категориальных систем. Во-вторых, в силу своей идеологичности она не включала в себя функцию осмысления и объяснения реальности, а имела ярко выраженный конструктивно-проектный характер. Отсюда конфликт с естественными науками и нацеленность на ассимиляцию идей конструктивно-технических дисциплин. В-третьих, она практически не имела точек соприкосновения с иными формами и типами философствования (западной мыслью, восточной, религиозной и т.д.), поскольку они просто не могли быть «включены» в проект конструирования новой реальности. Отсюда отношение к ним в форме «критики», поскольку в лучшем случае они были в прошлом, а в худшем – реакционны, т.е. опять-таки не-современны. Однако, именно в этих своих характеристиках эта философия была удивительно *современной* в духе традиционного историцизма и полностью соответствовала событию построения «нового общества». Если реальная история XX века творилась в Москве, то конструктивистский, проектный характер диамата-истмата институтского «пошиба» как нельзя точнее соответствовал и выражал со-бытие эпохи. Этим основным событием была героическая серость повседневной советской действительности, высокая бездуховность и скучность обыденного существования. В этой серости основные события человеческого существования (смерть, надежда, временность, поиск истины и т.д.) могли иметь смысл и оправдание только через приобщение к вечному, а таким вечным в рамках заданной идеологии могла быть только идея «светлого будущего»³. Однако, будучи в этом смысле современной, советская философия совершенно не имела исторического значения. Она была по своему существу *вне истории*: в истории может быть только событие имеющее временный характер; идеологическая вневременность задавала абсолютную историческую неактуальность советской философии.

3. Перемены и реформы начала 90-х годов привели к краху советской философии. Эти перемены в начале понимались общественным сознанием как «возвращение в Историю», как обретение связи с мировой философией. При этом российская философия претерпела следующие трансформации. На первых порах снятие идеологических запретов, «открытие» западной и русской религиозной философии первоначально привело к латентному состоянию школярства философской общественности. Признание себя учениками подготовительного класса привело к стремлению, с одной стороны, ассимилировать идеи, развитые в западной философии, ликвидировать разрыв между стандартами западных исследований и собственными, с другой стороны,

² Это не означает, что в Советском Союзе не было оригинальных философов и философских работ мирового уровня.

³ См.: Зиновьев А.А. Светлое будущее. М., 2000. Иди на Голгофу. СПб., 2004.

обрести свое прошлое путем освоения русской религиозной философии и «вписывания» ее в магистральную линию мирового развития философии, хотя и трагически оборвавшуюся. Безусловно, за всем этим лежал традиционно историцистский взгляд на развитие философии: западная философия задавала мировую линию и вектор развития, характер философствования задавал стандарт, стиль и моду исследований. Российская философская общественность осознавала себя в качестве «догоняющей», «наверстывающей», возвращающей то, что было потеряно вне времени в советскую эпоху. При этом философские исследования 90-х годов приобрели две характерные черты. Во-первых, *комментаторский* характер большинства работ: масса отечественных исследований строятся не как исследования проблем, а как комментарии и исторические экскурсы к классике или западным философам; аутентичных, авторских работ – единицы. Во-вторых, *компаративистский* характер этих исследований, а именно сравнение различных философских систем, стал рассматриваться как признак уровня философской культуры и эрудиции. Здесь нужно различать комментаторство как прием и метод историко-философской работы, который, несомненно, является формой приобщения к «высокой» философии, традиции и профессионализму; более того, такой режим научного исследования открывает, возможно, наиболее адекватный способ философствования⁴. И комментаторство как стиль философствования, т.е. такой способ философствования, при котором само проблем осуществляется в форме отсылки к внешним авторитетам. Большинство работ отечественных философов кажутся или «перепевками» классиков и жонглированием именами или «философствованием ксероксом». Между тем, осознание неоригинальности и вторичности такого характера философствования привело в конце 90-х годов к поиску собственных «культурных героев», поиска специфической аутентичности, в том числе - к иному отношению к философии советского периода. Малочисленные пока еще исследования творчества М.К.Мамардашвили, И.Т.Фролова, Э.В.Ильенкова, Г.П.Щедровицкого и др., выпуск серии «Философы России XX века, - все это свидетельствует о том, что вектор сознания исторической идентичности начинает меняться. Например, исследования творчества Г.П.Щедровицкого изначально проникнуты сознанием исторической значимости методологии, а сравнение его творчества с ключевыми фигурами постмодерна по чисто внешним основаниям определяются стремлением «вписать» отечественную философию в мировую⁵.

Можно ли современную российскую философию считать современной, т.е. исторически значимой? Какое событие лежит в основе этих поисков? Нам думается, что *в этой неоригинальности и вторичности современной российской философии лежит событие поиска исторической идентификации самих философов*. Действительное вхождение в историю заключается в именно этой событийности. Мы насчитали пока три формы возможного обретения исторической значимости отечественной философии. Во-первых, действительное глубокое приобщение к философской классике в рамках профессиональных историко-философских исследований (безотносительно – западной или восточной, русской религиозной или маргинально развитой в советских условиях). Во-вторых, рождение новой

⁴ См. «Просторное слово авторитетов». Беседа с Э.Ю.Соловьевым. – Вопросы философии, 2004. №4, С.81- 91.

⁵ Чтения памяти Г.П.Щедровицкого 2002-2003 г.г. (доклады и дискуссии). – М., 2004.

метафизики как способа самоопределения в мировоззрении⁶. И, наконец, рождение новой методологии как способа самоопределения в социальной практике⁷. Могут появиться и другие способы «вхождения в историю». Но, так или иначе, *современность отечественной философии в том, что она стремится стать и быть философией.*

⁶ См.: Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. – СПб.: «Алетейя», 2003.

⁷ См.: Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли). – М.: Ф.А.С.-медиа, 2004.